

Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве, и родилась у него только одна дочь – Василиса Прекрасная. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, мать призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние слова мои. Я умираю и вместе с родительским благословеньем¹ оставлю тебе вот эту куклу. Носи её всегда при себе и никому не показывай. А когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший – за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти одно-леток Василисы, – стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица, а мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили всевозможными работами, чтобы она от трудов похудела, а от ветра и солнца почернела, так что совсем житья не было.

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днем всё хорошела и полнела, а мачеха с дочками худели и дурнели от злости, хотя всегда сидели сложа руки, как барыни.

Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всей работой! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчует её, приговаривая:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме батюшки, не вижу себе никакой радости. Злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису. Та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода nanoшена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет. Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе при-сватываются к Василисе, на мачехиных же дочерей никто не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам младшую прежде старших! – А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом. А возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-Яга. Никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новое место, мачеха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но она всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-Яги.

Пришла осень. Мачеха как-то раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть. И погасила огонь во всём доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, сама же легла спать. Девушки стали работать. Вот нагорело на свечке, и одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

¹ Благословить – перекрестить, передавая этим покровительство, пожелание счастья, удач.

– Что теперь нам делать? – запричитали девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбежать за огнём к Бабе-Яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!

– Тебе за огнём идти, – закричали обе. – Ступай к Бабе-Яге!

И вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к Бабе-Яге, а Баба-Яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечи.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у Бабы-Яги!

Василиса собралась, положила куколку в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо неё всадник: сам белый, одет в белое, конь под ним белый и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать. Идёт она дальше. Вдруг скачет другой всадник: сам красный, одет в красное и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Бабы-Яги: забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами, вместо дверей у ворот – ноги человечьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная.

Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всё черное и на чёрном коне. Подскакал к воротам Бабы-Яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь.

Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло как днём. Василиса дрожала со страху, но, не зная, куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели. Выехала из лесу Баба-Яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

– Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе!

– Хорошо, – сказала Баба-Яга, – знаю я их. Но ты поживи наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня, а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

– Эй, заборы мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь! – Ворота отворились, Баба-Яга въехала, посвистывая, и за ней вошла Василиса, а потом опять всё заперлось.

Войдя в горницу, Баба-Яга расселась за столом и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу!

Василиса зажгла лучину² от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать Яге кушанья, а кушаний настряпано было человек на десять. Из погреба принесла квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха. Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины.

Стала Баба-Яга спать ложиться и говорит:

² Лучина – тонкая длинная щепка.

– Когда завтра я уеду, ты, смотри, двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь да пойдёшь в за́кром³ возьми четверть пшеницы и очисти от чернушки. Да чтоб всё было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказа Баба-Яга захрапела, а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и сказала:

– На́, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне Баба-Яга работу и грозится съесть меня, коли всего не исполню. Помоги мне!

Куколка в ответ:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися – утро мудренее вечера!

Ранёшенько проснулась Василиса, а Баба-Яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают. Вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-Яга вышла во двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце, Баба-Яга села в ступу и выехала со двора: пестом погоняет, помелом след замечает.

Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-Яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться? Глядит, а вся работа уже сделана, – куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

– Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла!

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с Богом да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт Бабу-Ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело, только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет Баба-Яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает Яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-Яга всё осмотрела, подсадовала, что не на что рассердиться, и говорит:

– Ну хорошо!

Потом крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мне пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон с глаз. Баба-Яга наелась, стала ложиться спать и опять даёт наказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из за́крома мак да очисти его от земли по зёрнышку: вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись Богу да ложись спать: утро вечера мудренее, всё будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-Яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куклой всю работу тотчас справили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из мака масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли с глаз. Баба-Яга стала обедать. Она ест, а Василиса молча стоит.

– Что же ты ни о чём не говоришь со мной! – сказала Баба-Яга. – Стоишь как немая?

– Не смею, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём.

³ За́кром – отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна, муки.

– Спрашивай! Только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состаришься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде. Кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала Баба-Яга.

– Потом обогнал меня другой всадник – на красном коне, сам красный и весь в красное одет. Это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала Баба-Яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная. Все мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук, но смолчала.

– Что же ты ещё не спрашиваешь? – молвит Баба-Яга.

– Будет с меня и этого. Сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состаришься!

– Хорошо, – сказала Баба-Яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот оно что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных!

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота. Потом сняла с забора череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его: они ведь за этим тебя сюда послали!

Бегом пустилась Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра. И наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить уж череп: «Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

– Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха. Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят. К утру совсем сожгло их в уголь, одну Василису не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житьё к одной безродной старушке. Живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи купи мне льна самого лучшего: я хоть прясть буду!

Старушка купила. Василиса села за дело – работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много, пора бы и за тканьё приниматься, да таких берд⁴ не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу. Никто не берётся и сделать их. Василиса стала просить свою куколку. Та и говорит:

– Принеси-ка мне какой-нибудь старый берд, да старый челнок, да лошадиные гривы: я всё тебе смастерю.

⁴ Берд – принадлежность ткацкого стана, похожая на гребень.

Василиса добыла всё, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки про- деть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить некому: понесу во дворец!

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спра- шивает:

– Что тебе, старушка, на́добно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла дико́винный товар. Никому, кроме тебя, показать не хочу!

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивова́лся.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла!

Поблагодари́л царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить. Раскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их сшить. Долго искали, наконец царь позвал старуху и говорит:

– Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить!

– Не я, государь, пряла и ткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не ми́нует!

Заперлась в свою горницу и принялась за работу. Шила она не покладая́ рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга. Вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что сшила ему сорочки, и наградить её из своих царских рук!

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, красавица моя, – говорит он, – не расстанусь я с тобой, ты будешь моей женою!

Взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался её судьбе и остался жить при дворе дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.